ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Развитие принципа автономии воли: от французской доктрины к международному признанию

Николай Сергеевич Лунев[a]

EDN: JDNYWO

a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: Статья посвящена историко-догматическому анализу становления и эволюции принципа автономии воли (lex voluntatis) в международном частном праве. Прослеживается трансформация lex voluntatis от доктринальных представлений Ш. Дюмулена к современному нормативному закреплению в российском праве и международных актах. Показано, что в советский период рассматриваемый принцип прошел путь от отрицания к признанию в арбитражной практике и последующему законодательному закреплению. Обоснована его системообразующая роль как первичной коллизионной привязки, распространяющейся на договорные, внедоговорные и иные частноправовые отношения. Выявлены пределы автономии воли, связанные с публичным порядком, императивными нормами, принципом наиболее тесной связи и защитой слабой стороны. Сделан вывод об универсальном характере lex voluntatis в системе коллизионного регулирования, а также о тенденции к международной унификации его содержания, что отражает общую направленность современного международного частного права на укрепление диспозитивных начал и предсказуемости гражданского оборота в трансграничных масштабах.

Ключевые слова: автономия воли, lex voluntatis, международное частное право, коллизионное право, коллизионная привязка, публичный порядок

Дата поступления статьи в редакцию: 8 мая 2026 года.

The evolution of party autonomy (*lex voluntatis*): from French doctrine to international recognition

Nikolay S. Lunev[a]

RESEARCH ARTICLE

[a] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: The article provides a historical and dogmatic analysis of the development of the principle of party autonomy (lex voluntatis) in private international law. The paper examines the evolution of the lex voluntatis concept from S. Dumoulin's original ideas to its current formulation in Russian law and international legal acts. The study revealed that during the Soviet period, the principle in question evolved from rejection to recognition in arbitration practice and was codified in law. The author justifies its role as the primary conflict-of-laws rule by demonstrating that it applies to contractual, non-contractual, and other private law relationships. The study identified the limits of the autonomy of the will as they relate to public order, mandatory norms, the principle of the closest connection, and the protection of the weaker party. The findings highlight the universal nature of lex voluntatis within the conflict-of-laws system. They also reveal a trend towards the international unification of its content. This reflects the general direction of modern private international law, which is to strengthen the dispositive principles and predictability of cross-border civil transactions.

Keywords: party autonomy, lex voluntatis, private international law, conflict of laws, connecting factor, public policy

Received: May 8, 2026.

Введение

Принцип автономии воли в международном частном праве, хотя и имеет общее происхождение с одноименным принципом гражданского права, все же существенно отличается по содержанию, значению и особенностям реализации механизмов правоприменения. По тому, насколько принцип автономии воли в международном частном праве признается и применяется на практике, можно сделать вывод о степени воздействия свободы частных лиц на право, применимое к отношениям, возникающим с их участием.

С учетом разнонаправленной истории развития отечественной цивилистики представляется необходимым рассмотреть мировую хронологию признания и динамику содержания принципа автономии воли в международном частном праве на разных этапах развития правовых систем. Изучение эволюции принципа автономии воли в международном частном праве позволяет оценить сразу два аспекта его развития. С одной стороны, наблюдалась тенденция по расширению круга правоотношений, в которых допускается выбор применимого права на основании автономии воли сторон (договорные, наследственные, семейные и иные правоотношения). С другой стороны, расширялась и содержательная сторона правового принципа автономии воли в международном частном праве. В частности, устоялась идея о допустимости расщепления правоотношений на несколько юридических фактов, одни из которых подчинены первому правопорядку, а другие – иной правовой системе. Также одним из элементов содержания принципа автономии воли в международном частном праве стало постепенное признание права лица на последующий выбор применимого права при отсутствии изначального соглашения о праве, применимому к определенным правоотношениям.

Автономия воли: истоки правового принципа

Первоначальные предпосылки формирования принципа автономии воли, по мнению И.В. Гетьман-Павловой, следует искать в политической системе Франции XV–XVI веков, где, несмотря на формальное объединение государства, сохраняли свою силу местные правовые обычаи (кутюмы), которые существенно разнились в разных французских провинциях [Гетьман-Павлова, 2009. С. 28]. В то время попыток унификации французского гражданского права фактически не предпринималось, в связи с чем возникало большое количество интерлокальных (территориальных) коллизий между гражданско-правовыми обычаями различных регионов королевства.

Объединение французской правовой системы произошло усилиями исследователя Ш. Дюмулена, который осуществил кодификацию законодательства и при жизни издал значительное количество комментариев к региональным французским кутюмам. Сравнительно-правовые исследования, проведенные Ш. Дюмуленом, позволили вычленить правовые основы и общие характеристики в региональных правовых обычаях Франции, тем самым создав фундамент для последующего нормативного закрепления французского гражданского права в общегосударственном масштабе.

Правовое учение Ш. Дюмулена оказало влияние на становление европейских представлений о международном частном праве. В частности, он разделял кутюмы на вещные и личные. Вещные кутюмы были тесно связаны с территорией, на которой находится вещь, в то время как личные кутюмы носили экстерриториальный характер и «следовали за лицом». По большому счету при анализе этих постулатов можно говорить о появлении идеи о личном законе лица, которому подчинен его правовой статус.

Однако главной заслугой Ш. Дюмулена в области науки международного частного права является разработка теории о свободе и автономии воли при заключении соглашений. Сущность автономии воли заключается в том, что стороны свободны сами выбрать правопорядок, регулирующий те правоотношения, которые вытекают из заключенных между ними договоров. В условиях многочисленных коллизий между французскими региональными кутюмами Ш. Дюмулен выдвинул идею, которая оказалась новаторской для своего времени – стороны вправе применять к своим договорам те кутюмы, которые они сами посчитают нужными и оптимальными с учетом их имущественных потребностей. В экономическом смысле теория автономия воли служила интересам торгового сословия и была направлена на нивелирование правовых различий, установившихся в различных французских регионах с тем, чтобы купцы не несли ущерба из-за того, что одни и те же общественные отношения регулировались в соседних французских регионах по-разному.

Вклад Ш. Дюмулена в международное частное право выразился также и в том, что он отвел автономии воли роль главенствующей коллизионной привязки в договорном праве в целом. До этого безальтернативно верной считалась доктрина об определении применимого права по месту заключения договора. Ш. Дюмулен обосновал необходимость обращать внимание на подразумеваемую волю сторон на выбор применимого права, которая может прослеживаться исходя из всех обстоятельств дела, а также предполагаемых намерений сторон правоотношения.

Таким образом, корни возникновения и признания принципа автономии воли в международном частном праве следует искать в том, что потребность предпринимательского сообщества в единообразном и устойчивом правовом регулировании торговых отношений входила в противоречие с устаревшими общественными порядками, которые сохранялись в период раннего Нового времени в европейских государствах.

Принцип автономии воли в советской юридической традиции

До Октябрьской революции в России отсутствовали кодифицированные источники регламентации международного частного права, хотя зарубежные представления об автономии воли сторон были восприняты отечественными цивилистами, а также правоприменительной практикой.

В советский период положение отрасли международного частного права в целом была неопределенным, что во многом было продиктовано колебаниями внутренней политики СССР. Если сразу после революции был объявлен курс на полное устранение элементов рыночной экономики (включая в перспективе даже отказ от денежных средств и института собственности), то в начале 1920-х годов государственный курс изменился на диаметрально противоположный, в сторону частичного признания рыночных отношений и принципов свободного хозяйствования в экономике (новая экономическая политика, НЭП). Кроме того, в 1920-е годы СССР удалось установить дипломатические отношения с большинством европейских государств, в связи с чем обострился вопрос о частноправовом регулировании правоотношений с иностранным участием, а также о признании в пределах советской правовой системы юридических фактов, имевших место на территории иностранных юрисдикций.

Так, в статье 7 ГПК РСФСР 1923 года закреплялось положение о том, что при рассмотрении судом актов, совершенных за границей, принимаются во внимание те законы, которые действовали в стране совершения актов, если это предусмотрено международным соглашением между РСФСР и соответствующим государством. Во-первых, важно отметить, что это положение было закреплено в процессуальном, а не в материальном законодательстве, и было явно обращено к суду как к правоприменителю, а не к сторонам частноправовых отношений. Во-вторых, представленная норма явно воспроизводила содержание статьи 707 Устава гражданского судопроизводства Российской Империи, где была закреплена та же императивная коллизионная привязка, предписывающая определять применимое к сделке право исключительно по праву места совершения этой сделки. Таким образом, участники правоотношений были лишены возможности руководствоваться автономией своей воли и отступать от императивно сформулированного правила.

В первые годы построения советской государственности отечественные ученые критически относились к правомерности признания самостоятельным регулятивным средством принципа автономии воли при выборе права, подлежащего применению. Видный советский ученый и юрист И.С. Перетерский в 1924 году отмечал, что в советской системе «буржуазной автономии воли сторон» не существует, и право определяется по законодательству места заключения договора [Перетерский, 1924. С. 71]. Впоследствии советские исследователи занимали более сдержанную позицию о допустимости применения принципа автономии воли. Так, Л.А. Лунц в 1957 году констатировал, что в советской практике международного частного права получает распространение принцип, общий для многих правовых систем, а именно – закон, выбранный участниками сделки [Лунц, 1957. С. 38]. Примечательно, что за 30 лет, разделяющие во времени две приведенные позиции советских ученых, содержание статьи 7 ГПК РСФСР от 1923 года не претерпело изменений, что позволяет говорить об изменении самого духа правовой мысли, а также внешнеэкономической и правовой обстановки.

Длительное время вопрос о правомерности закрепления принципа автономии воли при выборе права, применимого к внешнеэкономическим контрактам, в принципе не являлся актуальным ввиду особенностей организации плановой советской экономики. Значительное количество сделок внешнеторгового характера заключалось торговыми представительствами и иными публичными органами со специальной правосубъектностью, которые априори имели иммунитет от судебных споров, а также от применения к ним положений иностранного законодательства. При этом необходимость участия советского государства во внешнеэкономических контрактах повлекла за собой постепенное принятие признанных на международном уровне стандартов.

В частности, в 1932 году при Всесоюзной торговой палате была учреждена Внешнеторговая арбитражная комиссия (ВТАК), которая осуществляла арбитражное разбирательство по делам, возникающим из внешнеторговых сделок. Прецедентным по своему значению стало решение ВТАК, принятое в 1938 году по заявлению «Союзуглеэкспорта» к египетской организации «Легета». ВТАК постановил, что к спорным правоотношениям подлежит применению советское право, поскольку это

предусмотрено в арбитражном соглашении между сторонами. Тем самым было признано значение автономии воли сторон как источника индивидуально-правового регулирования, позволяющего самостоятельно определять применимое к контракту право [Рамзайцев, 1952. С. 91].

Еще одним делом, предопределившим полноценное закрепление принципа автономии воли в советском международном частном праве, стал спор, рассмотренный ВТАК в 1954 году по заявлению бельгийского «Инкомар» к советскому «Разноэкспорт». ВТАК признала правомерным соглашение о выборе сторонами применимого права не при заключении основного контракта, а уже на этапе возникновения разбирательства по делу.

Таким образом, к 1950-м годам сложилась устойчивая правоприменительная практика ВТАК, которая допускала выбор по усмотрению сторон применимого материального права, основанное не на советском законодательстве, которое по-прежнему не допускало такую возможность, а на международно-правовых обычаях в области коммерческого арбитража, проникавших в правоприменительную практику по делам с участием советских юридических и физических лиц. При этом в условиях административно-командной системы экономики в СССР отсутствовала явная необходимость в правовом закреплении принципа автономии воли, поскольку монопольными участниками внешнеторговых контрактов выступали государственные органы и иные квазигосударственные образования, обладавшие иммунитетом от применения иностранного правопорядка и всецело подчинявшиеся советскому законодательству [Новикова, 2021. С. 128].

В 1961 году был принят Закон СССР от 1961 года «Об утверждении основ гражданского законодательства Союза ССР и Республик», согласно статье 126 которого допускался выбор сторонами права, подлежащего применению к внешнеторговой сделке. Таким образом, императивное правило коллизионной привязки об определении права, применимого к сделке, исключительно по праву места совершения сделки, было устранено. Впоследствии в Основах Гражданского законодательства СССР и Республик от 1991 года допустимость автономии воли сторон при заключении сделки также была нормативно подтверждена.

Таким образом, принцип автономии воли в международном частном праве в советский период прошел длительный путь становления, от отрицания к признанию в арбитражной практике и последующему официальному закреплению в гражданских законах 1961 и 1991 годов. Это позволило создать необходимые предпосылки для развития данного принципа в современной российской системе международного частного права.

Принцип автономии воли в современном российском праве

Принцип автономии воли является одним из основных правовых постулатов построения законодательства в области международного частного права. Для более полного понимания практической важности этого принципа необходимо рассмотреть сущность коллизионного метода правового регулирования в международном частном праве.

В большинстве отраслей российского права преобладает дихотомия двух методов правового регулирования – императивного и диспозитивного. Императивный метод состоит в установлении жестких предписаний или запретов, однозначно предусмотренных источниками позитивного права. Диспозитивный метод предполагает автономию воли сторон правоотношений и их свободное усмотрение, которое допускает отход от общего правила, закрепленного в законе, в пользу специального правила, которые стороны могут разработать или предпочесть самостоятельно с учетом характера их правоотношений.

В международном частном праве система методов правового регулирования характеризуется своей уникальностью. Здесь выделяются коллизионный и материально-правовой методы правового регулирования. Особенность правоотношений, регулируемых нормами международного частного права, состоит в том, что они осложнены наличием иностранного элемента и предполагают конкуренцию как минимум двух правопорядков. Такой иностранный элемент может быть выражен в трех возможных элементах правоотношений: субъект (со своим личным законом), объект (с правовым режимом, который определяется в соответствии с иностранным правопорядком) и юридический факт (который имел место в зарубежной юрисдикции).

Процесс правоприменения в международном частном праве состоит из двух основных этапов: коллизионный этап предполагает определение права, применимого к правоотношениям, за счет использования коллизионных привязок, а следующий за ним материально-правовой этап заключается в выборе необходимой нормы материального права того правопорядка, который был определен по результатам задействования коллизионной привязки.

В отдельных случаях коллизионный метод правового регулирования в международном частном праве не применяется – это возможно при наличии прямого соглашения между государствами, право-

порядки которых конкурируют в рамках определенного правоотношения, об установлении конкретных материально-правовых норм, что исключает необходимость применения коллизионного этапа правоприменения. Такой метод правового регулирования называется конвенциональным. В то же время международно-правовые соглашения между государствами охватывают далеко не все сферы международного сотрудничества, поэтому применение конвенционального подхода является скорее исключением, нежели правилом в международном частном праве.

Было бы ошибочным предполагать, что автономия воли в международном частном праве сводится сугубо к договорным правоотношениям. Это универсальная коллизионная привязка, которая охватывает внедоговорные обязательства, международное семейное и наследственное право, а также другие институты, выделяемые в современной структуре этой отрасли российского права [Стригунова, 2018. С. 10].

Непосредственное правовое регулирование принципа автономии воли в российском международном частном праве осуществляется на основании статьи 1210 ГК РФ. Как разъяснено в пункте 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 года № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (далее – Постановление № 24), стороны свободны в выборе формулировок, указывающих на право, применимое к договору. Например, в соглашении может содержаться ссылка на наименование страны, право которой применяется, либо на наименование самого источника права страны, право которой подлежит применению.

Суд также вправе устанавливать подразумеваемое применимое право. Это возможно, когда между сторонами отсутствует прямое соглашение о избранном правопорядке, но в претензионной переписке либо же в исковом заявлении и отзыве на него стороны в обоснование своих материально-правовых требований ссылаются на нормы права одной и той же правовой системы.

В том же пункте 27 Постановления № 24 приведена чрезвычайно важная правовая позиция, являющаяся системообразующей для всего международного коммерческого арбитража: выбор сторонами в арбитражном соглашении определенного компетентного суда не презюмирует волеизъявление сторон на выбор права этой же страны, где находится такой суд. Например, если стороны в основном соглашении или отдельной арбитражной оговорке указали, что споры, возникающие между ними, будут передаваться на разрешение Арбитражному суду г. Москвы, это еще не означает, что стороны договорились по умолчанию применять российское право к такому договору.

Пунктом 3 статьи 1210 ГК РФ допускается последующий выбор сторонами применимого права – такое действие имеет обратную силу непосредственно для сторон соглашения, однако не может нарушать права третьих лиц. В соответствии с пунктом 4 статьи 1210 ГК РФ стороны свободны в том, чтобы определить применимое право как ко всему договору в целом, так и к отдельным его частям. Важное ограничение такого подхода установлено в пункте 29 Постановления № 24 – фрагментарный выбор применимого права для различных частей договора не должен создавать непреодолимых противоречий, влекущих недействительность или незаключенность договора. При выявлении таких неразрешимых противоречий суд не принимает во внимание соглашение о применимом праве, определяя необходимый правопорядок на основании коллизионной нормы без учета реализации сторонами принципа автономии воли.

У принципа автономии воли в договорном статуте есть и другое ограничение, определенное пунктом 5 статьи 1210 ГК РФ – если все элементы регулируемого правоотношения связаны с одной страной, выбор сторонами другого права не может затрагивать действие императивных норм первой страны (принцип тесной связи). Данное (ограничительное по своему характеру) положение направлено на недопустимость искусственного обособления из российской правовой системы правоотношений, где все субъекты, объекты и юридические факты связаны с российским правопорядком и, как следствие, отсутствует иностранный элемент.

Как отмечает И.В. Гетьман-Павлова, автономия воли в международном частном праве имеет множественное значение – это одновременно и источник правового регулирования, и метод правового регулирования, и важнейшая коллизионная привязка, позволяющая определить применимое право [Гетьман-Павлова, 2024. С. 233]. Автономия воли в международном частном праве (коллизионная привязка lex voluntatis) позволяет лицам выразить свободу своего поведения и воспользоваться диспозитивными началами, характерными для всех частноправовых отраслей права. Возможность у сторон выбирать по своему усмотрению правопорядок, нормы которого подлежат применению к правоотношениям, – самая гибкая из возможных коллизионных привязок, которая признается в законодательстве и судебной практике большинства правовых систем современности. При этом, как отмечалось ранее, сфера применения коллизионной привязки lex voluntatis выходит далеко за пределы

сугубо договорного статута, позволяя диспозитивно формировать также вещный, деликтный, семейный, валютный и иные статуты, не связанные с договорным правом.

На основании пункта 6 статьи 1210 ГК РФ допускается выбор сторонами применимого права на основании соглашения даже в отношении тех правоотношений, которые не вытекают из договора. Главное условие – чтобы это допускалось гражданским законом. Например, статьей 1223.1 ГК РФ прямо предусматривается возможность сторон деликтных правоотношений определить соглашением между собой применимое право.

Несомненно, lex voluntatis – это ключевой инструмент коллизионного регулирования частноправовых обязательств. Другие коллизионные привязки не столь универсальны в сфере своего применения и чаще всего ограничиваются конкретными видами гражданско-правовых сделок или институтами международного частного права (например, коллизионная привязка lex rei sitae позволяет определить применимое право к правовому режиму вещи по праву страны, где такая вещь физически находится).

Важность принципа lex voluntatis заключается не только в ее универсальности, но и в его первоочередном характере. Иные коллизионные привязки применяются лишь субсидиарно при отсутствии выбора применимого права, сделанного сторонами самостоятельно. В то же время универсальный характер применения lex voluntatis не является безграничным – эта коллизионная привязка не затрагивает порядок определения и содержание личных статутов физических и юридических лиц, которые устанавливаются императивными нормами законодательства.

Подходы, выработанные в англо-саксонской юридической доктрине, предписывают при выборе применимого права руководствоваться стандартами законности и добросовестности. Так, выбор применимого права не должен приводить к нарушению прав третьих лиц или созданию явно диспаритетной ситуации в отличие от той, которая сложилась бы при выборе другого правопорядка сторонами.

Принцип автономии воли сторон может быть ограничен в ряде случаев. Так, во-первых, не допускается реализация принципа автономии воли в международном частном праве, если это приведет к нарушению публичного порядка государства. Публичный порядок является обобщающей категорией, которая может быть истолкована расширительно по судейскому усмотрению в конкретном деле. Упоминание (но не исчерпывающее определение) публичного порядка содержится в статье 1193 ГК РФ. Этот блокирующий механизм позволяет не допускать применение норм иностранного права, которые существенно противоречат тем значимым основам правопорядка, которые сформировались в российском праве. Публичный порядок вновь упоминается в пункте 11 Постановления № 24, где основаниями для несовместимости иностранной нормы права с российским публичным порядком считается нарушение суверенитета или безопасности страны, а также нарушение конституционных прав и свобод российских лиц.

Вторым основанием для неприменения принципа автономии воли является выявления намерения лица обойти императивные нормы закона, с которым правоотношение в действительности имеет наиболее тесную связь. В данном случае это расценивается как форма недобросовестного поведения, которую пресекает суд обращением к императивным нормам страны, с которыми у правоотношения существует тесная связь, вопреки реализованной сторонами автономии воли. Отмечается, что в большинстве правовых систем допускается выбор сторонами права третьей страны, которая никак не связана с обстоятельствами дела. Это позволяет соблюсти нейтралитет и баланс правовых интересов между сторонами, поскольку презюмируется, что стороны в равной мере не будут знать этот третий правопорядок.

Кроме того, применение lex voluntatis может быть ограничено прямыми императивными нормами российского законодательства, не связанными с публичным порядком или принципом наиболее тесной связи. Так, выбор применимого права существенно ограничен в договорах, заключаемых с потребителем (статья 1212 ГК РФ), а также в договорах в отношении недвижимости, расположенной на территории России (статья 1213 ГК РФ). Эти ограничения позволяют защитить более слабую сторону в правоотношении либо обеспечить правовую защиту некоторых общественно значимых и публичных интересов, имеющих в некоторых случаях более важное значение, нежели автономия воли договаривающихся сторон.

Заключение

Учитывая изложенное, стоит отметить, что развитие и унификация коллизионной привязки lex voluntatis происходят и на международном уровне. Например, в статье 44 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 2002 года (Кишиневской конвенции) допускается определение прав и обязанностей сторон по сделке не только исходя из права страны места совершения сделки, но и на основании соглашения сторон.

Особое значение в этой связи имеют Принципы выбора права, применимого к международным коммерческим договорам от 2015 года (Гаагские принципы), которые позволяют унифицировать на международном уровне стандарты закрепления lex voluntatis. Правовой анализ этого документа позволяет выявить основное правовое содержание этой коллизионной привязки, которое единообразно понимается на международном уровне. В частности, стороны могут выбирать применимое право к части договора или к договору целиком; выбор применимого права может быть изменен в любой момент; выбор права может быть не выражен явно, а являться подразумеваемым; выбор применимого права не может посягать на публичный порядок государства.

Таким образом, представляется, что гармонизация коллизионной привязки lex voluntatis будет долгосрочным приоритетом сближения мировых правовых систем, что позволит обеспечить на практике основные принципы международного частного права: свободу договора, автономию воли сторон и диспозитивность.

Литература

Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебник для вузов. 5-е изд. М.: Юрайт, 2024.

Гетьман-Павлова И.В. Шарль Дюмулен – основоположник теории автономии воли в международном частном праве. *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2009. № 3. С. 21–33. EDN: KWMXLV

Лунц Л.А. Некоторые итоги развития советской доктрины международного частного права // Межвузовское научное совещание «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки»: тезисы докладов. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1957. С. 36–39.

Новикова Т.В. Истоки признания в отечественном законодательстве принципа автономии воли как принципа международного частного права. *Северо-Кавказский юридический вестник.* 2021. № 2. С. 123–130. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-2-123-130. EDN: GZWIHD

Перетерский И.С. Очерки международного частного права Р.С.Ф.С.Р. М.: Государственное издательство, 1925.

Рамзайцев Д.Ф. Внешнеторговый арбитраж в СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952.

Стригунова Д.П. Проблемы применения принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров. М.: Русайнс, 2018.

References

Getman-Pavlova I.V. Private international law: textbook for universities 5th ed. Moscow: Yurait, 2024. In Russian

Getman-Pavlova I.V. Charles Dumoulin – founder of party autonomy theory in international private law. *Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2009. No. 3. P. 21–33. EDN: KWMXLV. In Russian

Lunts L.A. Some results of the development of the Soviet doctrine of private international law // Interuniversity scientific conference «Forty years of the Soviet state and law and the development of legal science»: abstracts of reports. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1957. P. 36–39. In Russian

Novikova T.V. Origins of acknowledgement by native legislation of party autonomy as principle of private international law. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021. No. 2. P. 123–130. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-2-123-130. EDN: GZWIHD. In Russian

Peretersky I.S. Essays on private international law of the RSFSR. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1925. In Russian

Ramzaitsev D.F. Foreign trade arbitration in the USSR. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury, 1952. In Russian

Strigunova D.P. Problems of applying the principle of party autonomy in the legal regulation of international commercial contracts. Moscow: Rusains, 2018. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Николай Сергеевич Лунев, ведущий специалист Управления приема поступающих
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: lunvn@internet.ru
https://orcid.org/0009-0008-4905-2051

Для цитирования: *Лунев Н.С.* Развитие принципа автономии воли: от французской доктрины к международному признанию. *Государственная служба.* 2026. № 3. С. 55–61.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Nikolay S. Lunev, Lead Specialist, Admissions Office
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: lunvn@internet.ru
https://orcid.org/0009-0008-4905-2051

For citation: *Lunev N.S.* The evolution of party autonomy (*Lex voluntatis*): from French doctrine to international recognition. *Public Administration.* 2026. No 3. P. 55–61.